

■ Отечественная историография
дискуссии между К.Н. Корниловым
и Г.И. Челпановым

С. А. Богданчиков

Оценки дискуссии между К. Н. Корниловым
и Г.И. Челпановым, содержащиеся в работах 20-30-х годов
Дальнейшее изучение дискуссии между К.Н. Корниловым и
Г.И. Челпановым: новые факты и оценки в работах
40-50-х годов
60-80-е годы: окончательная схема изложения дискуссии
между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым
Основные черты и тенденции историографии дискуссии
между К. Н. Корниловым и Г.И. Челпановым

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАРКСИСТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Дискуссия между К.Н. Корниловым и
Г.И. Челпановым в отечественной
психологии 20-х годов

Дуалистическое и монистическое
понимание психики
Обладает ли психика пространственной
протяженностью?
Разрешение психофизической проблемы: оценка
гипотез параллелизма и взаимодействия

■ Марксизм и психофизическая
проблема в дискуссии между
К. Н. Корниловым
и Г. И. Челпановым

Сергей Богданчиков

**Происхождение
марксистской психологии**

«Директ-Медиа»

2014

УДК 159.9
ББК 88.1

Богданчиков С. А.

Происхождение марксистской психологии / С. А. Богданчиков —
«Директ-Медиа», 2014

В 20-е годы в нашей стране происходила широкомасштабная дискуссия о значении марксизма для психологии, о возможности и необходимости построения особой науки — марксистской психологии. Основу этой полемики составляла дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым. В работе представлены результаты историко-научной реконструкции данной дискуссии, показаны ее предпосылки, условия, содержание и динамика. Большое внимание уделено историографии проблемы. Книга рассчитана на психологов и философов, специалистов в области истории науки, на всех интересующихся проблемами истории отечественной психологии.

УДК 159.9
ББК 88.1

© Богданчиков С. А., 2014
© Директ-Медиа, 2014

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА 1. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДИСКУССИИ МЕЖДУ К.Н. КОРНИЛОВЫМ И Г.И. ЧЕЛПАНОВЫМ	7
§ 1. Оценки дискуссии между К. Н. Корниловым и Г.И. Челпановым, содержащиеся в работах 20-30-х годов	8
§ 2. Дальнейшее изучение дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым: новые факты и оценки в работах 40-50-х годов	13
§ 3. 60-80-е годы: окончательная схема изложения дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Богданчиков

Происхождение марксистской психологии

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории науки, как и в памяти отдельного человека, есть события прошлого, которые нельзя просто так забыть, вычеркнуть навсегда или сделать вид, что их не было вовсе – в той или иной форме, так или иначе они все равно, как нас убеждает практика психоанализа, находят дорогу к настоящему. Именно к такого рода событиям следует отнести, с нашей точки зрения, тему марксизма в истории отечественной психологии.

Идея о построении особой «марксистской психологии» красной нитью проходит через всю историю отечественной психологии советского периода. Как бы мы сейчас не относились к этой идее или вообще к вопросу о значении марксизма для психологии, в любом случае наши оценки должны быть эмпирически обоснованными. Собственно этим и определяется главная задача данной книги – осуществить адекватную историко-научную реконструкцию истоков марксистской психологии, попытаться выяснить, как там было «на самом деле», показать фактически, с чего все начиналось, чтобы затем уже на этой основе строить суждения и давать оценки.

Разумеется, мы хорошо понимаем, что полемика между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым и по содержанию, и по временным рамкам была только частью проходившей в СССР на всем протяжении 20-х годов обширной общенаучной дискуссии о значении марксизма для психологии. В той или иной мере участниками бескомпромиссных споров (как в устной форме, так и в печати) были М.Я. Басов, В.М. Бехтерев, П.П. Блонский, Л.С. Выготский, Э.С. Енчмен, Ю.В. Португалов, М.А. Рейснер, В.Я. Струминский, Ю.В. Франкфурт, П.О. Эфрусси и многие другие психологи и представители смежных наук, ставившие и обсуждавшие, впрочем, вопросы не только чисто психологические, но и на стыках психологии с другими науками, областями знания и сферами практики – биологией, физиологией, рефлексологией, педологией, социологией, философией, физикой, политикой, идеологией и т.д. Воссоздать и проанализировать всю эту картину, осуществить многоплановую реконструкцию всего начального этапа развития советской психологии как марксистской науки – ее становления под флагом марксизма в течение 20-30-х годов – тема дальнейших исследований, требующая больших (и, безусловно, коллективных) затрат времени и творческой энергии.

Представленные в данной книге материалы являются результатом наших многолетних историко-научных исследований проблемы «психология и марксизм». Поэтому вполне естественно, что некоторые из этих материалов в той или иной форме (в виде тезисов или статей) ранее уже нашли отражение в ряде наших публикаций 1991-1999 гг. Основная идея данной книги в развернутом виде впервые прозвучала в 1993 г. в нашей кандидатской диссертации «История проблемы «психология и марксизм» (дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов)», а в сокращенном варианте – в статье «Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в 1923-1927 гг.: схема и факты» (Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6).

Автор считает своим долгом выразить глубокую благодарность доктору психологических наук, профессору кафедры общей психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова Антонине Николаевне Ждан, а также О.В. Гордеевой, В.А. Кольцовой, А.А. Никольской, И.Е. Сироткиной, Е.Е. Соколовой, О.К. Тихомирову, В.В. Умрихину – всем тем московским психологам, чья помощь, поддержка, критические замечания и дружеское участие во многом способствовали появлению на свет данной работы.

С.А. Богданчиков
Саратов, 25 октября 2000 г.

ГЛАВА 1. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДИСКУССИИ МЕЖДУ К.Н. КОРНИЛОВЫМ И Г.И. ЧЕЛПАНОВЫМ

Сударь, я делаю вам официальное предложение: вступить в ряды нашего подразделения коррективщиков истории. Я сразу хочу сказать главное. Это очень жестокая профессия. Она потребует такого напряжения совести, что вы тысячу раз пожалеете о своем согласии. Мы ею занимаемся вынужденно...

А.Г. Лазарчук¹

Предлагаемый историком вариант реконструкции прошлого приобретает свою истинную ценность, только будучи соотношенным с тем, что уже было сделано другими исследователями, работавшими в той же области и над той же проблемой. Поэтому прежде чем непосредственно обращаться к работам К.Н. Корнилова и Г.И. Челпанова, мы должны получить ясное представление о том, какое отражение дискуссия между этими учеными нашла в работах отечественных историков психологии, в чем состояли основные тенденции, приведшие к современным представлениям о дискуссии. С этой целью мы предприняли изучение отечественной историографии дискуссии. В поле нашего внимания оказались работы Б.Г. Ананьева, В.А. Артемова, Л.С. Выготского, П.И. Иванова, Г.С. Костюка, Н.К. Индик, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, А.В. Петровского, С.Л. Рубинштейна, Н.А. Рыбникова, А.А. Смирнова, М.В. Соколова и Б.М. Теплова, опубликованные в 20-80-е годы, т.е. относящиеся к советскому периоду нашей истории; в общем виде мы касаемся и работ, опубликованных в 90-е годы. Все эти работы мы рассматриваем в хронологическом порядке, реконструируя, таким образом, историю изучения дискуссии между Корниловым и Челпановым отечественными исследователями. Мы не затрагиваем работ зарубежных исследователей, считая это задачей отдельного исследования. Отметим лишь, что в переведенной на русский язык работе [16] ее автор Л. Грэхэм в разделе, специально посвященном психологии, ничего не пишет о дискуссии между Корниловым и Челпановым, упоминая лишь о критике идей Корнилова со стороны В.Я. Струминского [16, с. 169-170].

Данная глава состоит из четырех параграфов. Первые три из них посвящены анализу того, как дискуссия между Корниловым и Челпановым представлена в работах отечественных исследователей, начиная со статьи Л.С. Выготского 1927 г. [13] и заканчивая работой А.В. Петровского 1984 г. [48]; кроме того, в конце третьего параграфа говорится о современных работах, опубликованных на протяжении 90-х годов.

Четвертый параграф является обобщающим, т.к. речь в нем идет об основных чертах и тенденциях историографии дискуссии, выявленных в ходе анализа. По-видимому, некоторые из этих черт и тенденций можно считать присущими отечественной психологической историографии советского периода в целом.

¹ Лазарчук А.Г. Все способные держать оружие ...: Фант. роман. М.-СПб., 1997. С. 294.

§ 1. Оценки дискуссии между К. Н. Корниловым и Г.И. Челпановым, содержащиеся в работах 20-30-х годов

Первой работой, в которой прозвучала историческая оценка марксистской психологии Корнилова после окончания дискуссии с Челпановым, является, с нашей точки зрения, статья Л.С. Выготского «Психологическая наука», опубликованная в 1928 году в юбилейном сборнике «Общественные науки СССР» [13]. Статью Корнилова, также опубликованную в 1927 г. [32], мы рассматриваем как одну из последних работ, завершающих дискуссию, а работа Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» [14], в которой достаточно много места уделено дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым, заслуживает, с нашей точки зрения, особого рассмотрения, поскольку в свое время она так и осталась рукописью и была опубликована только в 1982 г. (в ходе нашего анализа мы ограничились несколькими высказываниями Выготского из этой работы).

Хотя в статье Выготского «Психологическая наука» [13], как и во многих последующих работах «юбилейного жанра», конкретно о дискуссии речь не идет, тем не менее в ней можно найти оценку первых работ, в которых Корнилов выдвинул свои марксистские идеи и выступил с критикой взглядов Челпанова. Оценивая путь, пройденный советской психологией за десять лет (1917-1927), Выготский писал: «В 1923 г. на Всероссийском съезде по психоневрологии К. Корнилов сделал доклад «Современная психология и марксизм», в котором указал на необходимость применить метод диалектического материализма к психологии ... На II Всероссийском съезде по психоневрологии в 1924 г. в Ленинграде были К. Корниловым сформулированы основные принципы марксистской психологии, на основе которых началась теоретическая и экспериментальная разработка отдельных психологических проблем. Этим был сделан решительный, исторический поворот в развитии психологии. Психология осознала себя как марксистскую дисциплину. Она сознательно вошла в «железный инвентарь материалистической идеологии», сознательно стала на службу революции. Вместе с тем она вступила на единственный путь, который обеспечивает осуществление психологии как науки» [13, с. 38].

В словах Л.С. Выготского мы видим в целом высокую оценку основной идеи Корнилова – о возможности и необходимости построения марксистской психологии. Вместе с тем, говоря о том, что Корнилов «защищал» свои новаторские идеи, Выготский не указывает конкретно, против кого и насколько успешно боролся Корнилов. Спорность, дискуссионность при превращении психологии в марксистскую дисциплину подразумевается и принимается как должное, но не уточняется и не анализируется. Сама идея Корнилова дается в предельно общем виде, и у Выготского мы не находим какой-либо критики этой идеи по существу и в деталях. Любопытно, что Выготский не указывает автора слов, поставленных им в кавычки. Скорее всего выражение «железный инвентарь материалистической идеологии» взято из статьи Н.И. Бухарина, который в 1923 г. отмечал: «Исходные методологические пути и результаты исследований проф. Павлова есть орудие из железного инвентаря материалистической идеологии» [12, с. 225].

Тот же, что и у Л.С. Выготского, подход в оценке взглядов Корнилова мы находим и у А.М. Деборина [17], который подчеркивал во взглядах К.Н. Корнилова лишь позитивное и не высказывал каких-либо критических замечаний. В 1927 г. А.М. Деборин писал: «Марксистская психология стремится преодолеть с точки зрения диалектического материализма одно-сторонности как субъективной, так и объективной психологии и дать их синтез» [17, с. 370].

Оценки Выготского и Деборина показательны как выражение официальной точки зрения на теорию Корнилова и соответственно на взгляды его противника – Челпанова. Подчеркнем, что такая точка зрения оставалась неизменной вплоть до начала 30-х годов.

Все последующие исторические работы, в которых так или иначе затрагивается вопрос о марксизме в психологии вообще или только у Корнилова и Челпанова, обязательно исходили из оценок, сформулированных в партийной резолюции 1931 г. «Итоги реактологической дискуссии» [29]. Обойти вниманием «Итоги...» историкам было никак нельзя. Во-первых, это был прежде всего партийный документ, что в сочетании с безымянностью авторов исключало возможность принципиальной ответной критики. Весьма показательно в этом плане, что К.Н. Корнилов в ходе реактологической дискуссии отвечал на критику [33], содержащуюся не в этой резолюции, а в статье одного из ее авторов – А.А. Таланкина [71]. Во-вторых, именно после партийной резолюции марксистская психология (реактология) Корнилова прекратила свое существование.

Главный смысл «Итогов» – этого одиозного, мало- научного, а местами просто безграмотно написанного «произведения», удивительным образом сочетающего в себе жанры критической научной работы, «разносной» газетной статьи и «принципиальной» резолюции партийного собрания, – состоял в том, что Корнилову отказывалось в марксизме. Теория Корнилова (уже не «марксистская психология», как ранее, а опять «реактология» или «реактологическая психология») – это «прикрытая марксистскими фразами грубая механистическая теория, перерастающая в меньшевистствующий идеализм, переплетающаяся с ним и выливающаяся в различные формы правого оппортунизма на практике» [29, с. 2].

Авторы резолюции находят всего лишь несколько слов для того, чтобы охарактеризовать все то положительное и правильное, что было сделано К.Н. Корниловым в первой половине 20-х годов. При определении исторических заслуг Корнилова появляется фамилия Г.И. Челпанова: «Исторически реактология сослужила прогрессивную роль в борьбе с реакционно-идеалистической психологией Лопатина, Челпанова и т.п.» [29, с. 34]. Впрочем, связь взглядов Корнилова и Челпанова отмечается в резолюции не только по контрасту, но и по сходству: «Реактология Корнилова выросла на почве эмпирической психологии Челпанова» [29, с. 34]. Последняя характеризуется в резолюции как один из «остатков буржуазно- идеалистических теорий, являющихся прямым отражением сопротивления контрреволюционных элементов страны социалистическому строительству», в связи с чем ставится задача окончательно разгромить и уничтожить эти «остатки» [29, с. 2]. Так что с Корниловым авторам резолюции все ясно, а с Челпановым и «челпановщиной» [29, с. 2] – тем более.

При всех каких только возможно в то время «смертных грехах» (механицизм, оппортунизм, меньшевистствующий идеализм и т.д.) реактология К.Н. Корнилова все же сыграла прогрессивную, т.е. разрушительную роль в борьбе с идеалистической психологией Г.И. Челпанова, – пожалуй, это все, что мы можем найти в резолюции о борьбе Корнилова против Челпанова. Обращает на себя внимание, что у авторов резолюции Челпанов в этой борьбе изначально и имманентно играет негативную, реакционную роль, а Корнилов соответственно – роль прогрессивную. Из такой картины борьбы невольно напрашивается вывод, что, несмотря на все свои недостатки, в 20-е годы Корнилов был лучшим, что мог из себя представлять материализм и марксизм в психологии в борьбе против идеализма Челпанова.

Из чего же исходили и в какой степени были правы авторы резолюции, давая столь суровые оценки взглядам Корнилова? В общем мы можем сейчас сказать, что эти оценки были следствием механического переноса в психологию оценок, стиля, языка и формулировок из сферы политических, философских, рефлексологических и прочих дискуссий конца 20-х – начала 30-х годов. Резкость оценок резолюции может быть объяснена, что немаловажно, и тем, что к тому времени (к июню 1931 г.) Корнилов уже не был директором Института психологии. Не случайно в резолюции он характеризуется как «бывшее психологическое руководство» [29, с. 3]. В связи с этим стоит привести выдержку из более раннего документа – из газеты «Известия» от 20 ноября 1930 г., где говорится:

«Коллегия НК РКИ предложила Наркомпросу усилить Институт коммунистическим руководством, закрепив за ним определенное ядро научных работников – марксистов по каждому разделу работы» [56]. Следовательно, в ноябре 1930 г. Корнилов был смещен с поста директора. О том, что сразу же после Корнилова какое-то время директором был А.Б. Залкинд, говорится в статье А.М. Эткинда [82]. Мы знаем, что А.Б. Залкинд с конца 1923 или начала 1924 г. входил в коллегию Института [51, с. 245] и в отличие от К.Н. Корнилова был членом партии [24].

Было бы слишком большой честью для авторов резолюции относиться сейчас к их опусу как к серьезной научной работе. При таком подходе, когда исходное описание картины и ролей уже таит в себе конечную оценку, за пределами анализа остается учет конкретных исторических фактов: когда и как началась борьба, каковы были взгляды участников, чем борьба закончилась и т.д. В частности, было бы наивно думать, что в резолюции в плане критики прозвучало откровение относительно ошибок К.Н. Корнилова. Напротив, в собственно научном аспекте резолюция, если отбросить модные в то время политические ярлыки, представляла собой эклектическое собрание всего критического, что говорилось в адрес марксистской психологии Корнилова в предшествующие годы. Разносторонняя (безотносительно к дискуссии с Челпановым) критика марксистских и реактологических идей Корнилова шла на протяжении всего периода 20-х годов [5], [23], [54], [70], [81] и др.

Тем не менее значимость этой резолюции заключается, с нашей точки зрения, в том, что она явилась одним из важных источников в формировании общей схемы изложения дискуссии. Согласно этой схеме (о чем подробно речь пойдет далее в этой главе) дается однозначная оценка Челпанова как идеалиста, метафизика и реакционера, а Корнилова – как относительно прогрессивного, принимается в качестве аксиомы утверждение о неизбежности победы материализма над идеализмом в психологии и т.д.

В работе А.Р. Лурии [37] мы также не находим конкретного анализа дискуссии между Корниловым и Челпановым. Время после Октябрьской революции 1917 г. Лурия рассматривает как время борьбы «вульгарного материализма естествоиспытателей» против «проявлений всякого идеализма и всякой мистики в науке» [37, с. 27]. В целом Лурия исходит в своей статье из следующей периодизации: до 1917 г. (точнее, даже до 1922) – господство идеалистической психологии (Г.И. Челпанов, А.П. Нечаев, А.Ф. Лазурский, Г.И. Россолимо), в 20-е годы (1922-1931) – господство «механицизма» в психологии (т.е., как мы понимаем, практически всех остальных направлений в лице В.М. Бехтерева, И.П. Павлова, К.Н. Корнилова, П.П. Блонского и т.д., побеждавших и победивших идеализм), после 1931 г. – утверждение подлинно марксистской психологии. Критику концепции Корнилова Лурия проводит с позиций культурно- исторической теории Выготского.

Содержание периода после 1931 г. Лурия раскрывает, недвусмысленно имея в виду научную школу, к которой принадлежал он сам, и положительно оценивая при этом реактологическую дискуссию: «Дискуссия по психологии, проведенная в Московском психологическом институте в 1930-1931 гг., подвела итоги прошлому периоду в развитии психологии и наметила те пути, которые легли в основу ее перестройки. Процессы исторического формирования психики человека перестали после этого быть частными проблемами в ряду других проблем психологии и стали основной позицией, отличавшей советскую психологию ото всех, даже передовых, школ буржуазного Запада» [37, с. 33-34]. Существенным дополнением к этим словам может служить публикация в журнале «Вопросы психологии», в которой, в частности, приведено выступление А.Р. Лурии на реактологической дискуссии (наряду с выступлениями К.Н. Корнилова и А.А. Таланкина) [55].

Немногословен и осторожен в своих оценках и С.Л. Рубинштейн в «Основах психологии» 1935 г. [59]. Не конкретизируя саму проблему, он пишет: «Большой заслугой К.Н. Корнилова перед историей советской психологии является то, что еще в 1923-1924 гг. он выдвинул

лозунг: не за старую психологию, а за новую, марксистскую психологию ... Попытка К.Н. Корнилова «исходя из учения о реакциях превратить всю психологию в реактологию, признавать ее конкретной реализацией марксистской психологии и определить марксистскую психологию как «синтез» эмпирической и поведенческой психологии сделалась в 1931 г. предметом острой методологической дискуссии» [59, с. 36]. Таким образом, если в резолюции 1931 г. позитивно оценивается лишь факт участия Корнилова в борьбе против Челпанова, а марксизм Корнилова оценивается сугубо негативно (марксизм как фраза для «прикрытия» своих реактологических взглядов), то у Рубинштейна, напротив, марксизм Корнилова оценивается как в принципе правильный, прогрессивный и актуальный лозунг.

Однако уже в работе С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» 1940 г. [60] содержатся более конкретные и жесткие оценки. Попытка Корнилова выдвинуть идею марксистской психологии как реактологии оценивается здесь Рубинштейном уже не как «заслуга», а как «в корне ошибочная» [60, с. 69]. При этом, что характерно, Рубинштейн ставит под сомнение и научный уровень оппонентов Корнилова: дискуссия 1931 г. оценивается как проведенная «на недостаточно высоком теоретическом уровне» [60, с. 69]. Не становясь ни на сторону Корнилова, ни на сторону его оппонентов, Рубинштейн тем самым формулирует собственную точку зрения. Так, Рубинштейн уже не просто сообщает об идее «синтеза», а признает ее «в основе своей ошибочной». Тем не менее итоговая оценка оказывается близкой к оценкам партийной резолюции 1931 г.: Корнилов создал под «лозунгами марксистской психологии эклектическую, грубо механистическую теорию» [60, с. 69]. Факт борьбы Корнилова с Челпановым Рубинштейн отмечает в самом общем виде: «Вступив в борьбу с челпановской школой, отмежевываясь от рефлексологических попыток ликвидировать психологию, Корнилов выдвинул в 1923-1924 гг. лозунг...» и т.д. [60, с. 69]. Вообще о Челпанове Рубинштейн пишет очень мало. Все внимание Рубинштейн сосредоточивает не на начальном этапе развития теории Корнилова (в первой половине 20-х годов), а на том, как эта теория оказалась представленной в ходе реактологической дискуссии 1931 г.

В 1940 г. вышел в свет сорок седьмой том первого издания Большой Советской Энциклопедии, где авторы статьи «Психология» А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия [36] с позиций культурно-исторической теории высказывают критические замечания в адрес К.Н. Корнилова (а также его оппонентов по дискуссии 1931 г.). В этой работе мы впервые обнаруживаем указание на прямую связь двух явлений – идейной борьбы между Корниловым и Челпановым и факта увольнения Челпанова с поста директора института и назначения на этот пост Корнилова [36, с. 524]. В то же время второй психоневрологический съезд и марксистская борьба на нем не упоминаются вовсе: «На психоневрологическом съезде в 1922 г. [так в тексте. – С.Б.] К.Н. Корнилов высказывает положение о необходимости построения психологии на основе диалектического материализма и в 1923 г. вместе с группой психологов, разделяющих эту позицию, становится во главе Московского института психологии, работа которого полностью перестраивается. Задача построения марксистской психологии понимается, однако, в этот первый период очень упрощенно и неверно по существу ... Вульгарно-механистическая сущность реактологии была вскрыта в психологической дискуссии в 1930-1931 гг. Давая критику механистической концепции в психологии, эта дискуссия еще не могла достаточно конкретно сформулировать основных положений советской психологии» [36, ст. 524-525]. Характерно, что критическое отношение у А.Р. Лурии и А.Н. Леонтьева к К.Н. Корнилову и его концепции сохранилось вплоть до 70-х годов [см., например, 35, с. 18-19], [38, с. 17-18].

Таким образом, формировавшиеся в 30-е годы две ведущие школы советской психологии – Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна – каждая со своих позиций, но в конечном счете одинаково оценивали в 30-е годы марксистские опыты Корнилова: марксизм у Корнилова – лозунг, фраза, а его реактология из-за своей эклектики и механицизма на самом деле не соответствует марксистским критериям научности. Но при всей резкости оценок взглядов Корни-

лова ни Рубинштейн, ни Выготский, ни Лурия и Леонтьев, словом, никто даже и не пытался высказаться, насколько же был прав Челпанов, дискутируя с Корниловым.

§ 2. Дальнейшее изучение дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым: новые факты и оценки в работах 40-50-х годов

В статье [4], опубликованной в 1942 г. и посвященной 25-летию революции, В.А. Артемов вводит при изложении дискуссии новые факты и оценки. Характеризуя период «от Октября до конца 1923 – начала 1924 г.», В.А. Артемов дает свое видение происшедших в то время вокруг Г.И. Челпанова и К.Н. Корнилова событий: «В начале этого периода со стороны университетских профессоров психологии происходит попытка приспособить философию марксизма к своим эмпирическим воззрениям. Однако с первых же дней революции борьбу за советскую психологию возглавил К.Н. Корнилов, под руководством которого молодые силы советских психологов столкнулись со своими бывшими учителями (Челпановым, Нечаевым – старыми силами дореволюционных психологов) на московском съезде по психоневрологии 1015 января 1923 г. Победа осталась за молодыми и прогрессивными учеными. Нельзя не сказать о том, что позиция молодых психологов, выступивших против проф. Челпанова и его школы, была прогрессивной относительно, но поскольку постольку она была направлена против старой метафизической психологии, поскольку она резко ломала старые традиции, – в этом ее большая заслуга. Позиция проф. Корнилова, его доводы нередко выглядели марксистскими лишь декларативно, по существу же психологическая теория оставалась немарксистской» [4, с. 25].

Спустя несколько месяцев после появления статьи В.А. Артемова в журнале «Советская педагогика» была опубликована еще одна юбилейная статья – Н.А. Рыбникова [58]. Из этой статьи мы узнаём, что уже в 1923 г. шла критика в адрес Корнилова не только со стороны Челпанова, но и со стороны других психологов – А.П. Нечаева, П.О. Эфрусси. Для особенностей развития отечественной историографии показательным, что Рыбников вступает в спор с П.О. Эфрусси по поводу ее книги [83], вышедшей двадцатью годами (!) ранее.

Как и В.А. Артемов, всю «прогрессивность» Корнилова Н.А. Рыбников видит в борьбе с идеалистической психологией. Указания на созидательные, конструктивные моменты марксистских взглядов Корнилова в изложении и оценках у Артемова и Рыбникова отсутствуют. Но все же позиция этих авторов по отношению к взглядам Корнилова является более доброжелательной, снисходительной и конкретной, чем позиция Рубинштейна, Леонтьева и Лурии. Последние хотя и говорят о борьбе Корнилова с Челпановым, но никаких подробностей и оценочных суждений по этому поводу не высказывают. Напротив, Артемов и Рыбников позитивно оценивают борьбу и результат – «разгром» Корниловым Челпанова.

С.Л. Рубинштейн в вышедшем в 1946 г. втором издании «Основ общей психологии» [61] дает более подробное, чем ранее, описание идейных корней концепции К.Н. Корнилова. Как и другие авторы, Рубинштейн не использует высказанные Корнилову в резолюции 1931 г. чисто идеологические обвинения типа «меньшевистствующий идеализм», «оппортунизм», «классово враждебные взгляды», «антимарксизм» и т.д. Кроме того, низко оценивая Корнилова и как психолога, и как марксиста, Рубинштейн все же, в отличие от партийной резолюции 1931 г., не выводит взгляды Корнилова за пределы науки вообще. Но по сути своей оценки Рубинштейном взглядов Корнилова по-прежнему совпадают с оценками 1931 г.: теория Корнилова не является марксистской ни по происхождению, представляя собой результат эклектического сочетания бихевиоризма, интроспекционизма и рефлексологии, ни по своему уровню и содержанию ввиду механистичности и антидиалектичности.

С.Л. Рубинштейн отказывает К.Н. Корнилову в звании первого советского психолога-марксиста и даже психолога-марксиста вообще в силу того, что Корнилов, обратившись к

марксизму, не изменил своих прежних, ранее сформировавшихся реактологических взглядов; Корнилов только добавил к своей реактологии 1916-1921 гг. марксистские понятия и формулировки. Поэтому он является механицистом, прикрывающим свои реактологические взгляды марксистской фразеологией. При этом Рубинштейн не высказывает каких-либо негативных оценок по поводу борьбы Корнилова и других психологов против Челпанова и идеалистической психологии вообще.

Доклад Б.М. Теплова «Советская психологическая наука за 30 лет», опубликованный в виде брошюры в 1947 г. [72], по существу является первой из всех рассмотренных нами выше серьезной научной работой по истории отечественной психологии советского периода, оставаясь при этом, разумеется, все же в рамках своего времени и жанра «юбилейной статьи». В этой работе много имен, фактов, анализируются различные теоретические взгляды и т.д. Здесь мы впервые узнаём об основных положениях и аргументах Корнилова по вопросу о марксистской психологии. Но, что примечательно, такого же подробного изложения взглядов Челпанова в споре с Корниловым мы не находим.

Б.М. Теплов в своей работе указывает, что уже в «Реактологии» Корнилов пошел «вразрез с установками Челпанова» [72, с. 11]. Лозунг Корнилова о «полном отделении психологии от философии» и превращении психологии в «естественную науку» Теплов называет «боевым» [72, с. 11]. Дискуссию между Корниловым и Челпановым Теплов описывает как борьбу между «новой, материалистической» и «старой, идеалистической» психологией [72, с. 12]. Эта борьба началась, как пишет Теплов, на первом съезде и была продолжена на втором. При описании хода борьбы Теплов упоминает ряд существенных деталей: «Ожесточенная борьба велась и в печати. Челпанов опубликовал пять полемических брошюр, в которых защищал позиции старой психологии ... В конце 1923 г. произошла коренная реорганизация Московского института психологии: во главе его стал К.Н. Корнилов и основной состав его образовали молодые, прогрессивно настроенные работники. Важнейшие положения защитников новой, марксистской психологии были развернуты в ряде программных докладов и статей Корнилова, опубликованных в 1923-1925 гг.» [72, с. 12]. Далее Теплов цитирует основные марксистские положения из докладов Корнилова на первом и втором съездах.

Не замечая (как бы не замечая?) внутренней противоречивости своих оценок, Б.М. Теплов подчеркивает недостаточность положений Корнилова и в то же время утверждает, что именно с их помощью Корнилов победил: «Принятия только этих положений было еще недостаточно для построения подлинной марксистской науки о психике. Да и не все эти положения, как показала дальнейшая работа, были правильно поняты и до конца освоены в то время. Но важнейшие для того момента задачи были решены: открыто идеалистическая психология Челпанова и других была разбита полностью и вышла из борьбы» [72, с. 12].

Свои правильные марксистские лозунги, добавляет Теплов, Корнилов попытался реализовать на материале реактологии. Вследствие этого у него «получилось огромное противоречие между правильно намеченными задачами новой психологии и скуднейшей программой ее конкретного содержания: изучение скорости и силы ответных движений никогда не могло, конечно, привести к разрешению тех больших задач, которые стояли перед советской психологической наукой» [72, с. 13].

В статье Б.Г. Ананьева [2], так же как и в статье Б.М. Теплова, мы встречаемся с утверждением, что К.Н. Корнилов начал свою борьбу с Г.И. Челпановым еще не будучи марксистом. Переход Корнилова из немарксистского состояния в марксистское Ананьев описывает следующим образом: «Реактологические аргументы, выдвинутые первоначально Корниловым, сыграли ничтожную роль в борьбе против старой идеалистической психологии Челпанова. Положение резко изменилось, однако, когда Корнилов выдвинул против Челпанова на первый план уже не «реактологическое», а философско-психологическое оружие – положение о необходимости марксистской перестройки психологии. Борьба против Челпанова приобрела острый и

актуальный политический и философский характер, и заслугой Корнилова является чрезвычайная энергия и непоколебимость в этой борьбе ...

Сейчас нам хорошо понятно, что положения, выдвинутые в то время Корниловым, не могли правильно решить поставленную им задачу марксистской перестройки психологии» [2, с. 47-48]. Критикуя корниловскую идею «синтеза», Ананьев в то же время отмечает позитивный смысл в идеях Корнилова: «При всем этом, однако, многие из положений, выдвинутых Корниловым, сыграли в то же время важнейшую передовую роль, как настойчиво призывавшие к построению психологии на новой, марксистской основе» [2, с. 48].

Таким образом, Ананьев, как и Теплов, формулирует логически противоречивую позицию: с одной стороны, выдвинутые Корниловым положения «не могли правильно решить поставленную им задачу марксистской перестройки психологии», с другой – эти же положения сыграли «важнейшую передовую роль» [2, с. 48]. Эту двойственность Ананьев пытается устранить или, по крайней мере, объяснить, апеллируя к конкретно-историческим условиям: тогда, в 20-е годы, взгляды Корнилова были прогрессивными, но сейчас, в конце 40-х, мы понимаем несовершенство этих взглядов. При этом вся прогрессивность Корнилова сводится к двум моментам: во-первых, надо было разгромить Челпанова, и Корнилов это сделал; во-вторых, Корнилову удалось этого достичь благодаря лозунгу марксистской психологии. Тем самым неявно подразумевается, что марксизма даже как лозунга хватило, чтобы сокрушить Челпанова, но только значительно позже, в 1931 г., стала ясной недостаточность марксистской психологии Корнилова.

Оценка роли Корнилова в разгроме Челпанова у Ананьева довольно обтекаема: признается «чрезвычайная энергия и непоколебимость в этой борьбе», но устранил Челпанова не столько Корнилов, сколько некий «стремительный ход развития новой советской психологии» [2, с. 48]. Тем самым Корнилов у Ананьева вовсе не характеризуется, например, как «возглавивший борьбу», а оценивается как представитель лишь одной из сил, разрушивших идеализм в психологии. Обращает на себя внимание, что в самом начале статьи Ананьев особо подчеркивает значение школ Бехтерева и Павлова в борьбе против Челпанова. Как и другие авторы, Ананьев дает весьма суровую оценку марксистским идеям Корнилова, а Челпанова почти полностью третирует. Из статьи Ананьева мы узнаем о существовании «ряда брошюр полемического характера» Челпанова (Теплов и здесь более конкретен, говоря о пяти брошюрах). Конкретный анализ дискуссии (аргументы, цитаты, соотношение сил сторон и т.д.) у Ананьева отсутствует, изложение идет на уровне общих слов. Как и другие авторы, Ананьев в оценках дискуссии идет не «изнутри» ее, а извне, исходя из общего представления о 20-х годах и идеологической расстановке сил в этот период.

Г.С. Костюк в статье [34] указывает, что в 20-е годы в психологии шла критика идеализма, но с позиций устаревшего, домарксистского материализма. При этом рефлексологи «отрицали правомерность самой психологии как науки. Против этой мысли выступил Корнилов, справедливо указывая, что она не имела и не имеет ничего общего с марксизмом, и обосновывая необходимость построения марксистской психологии. В этом его безусловная заслуга перед советской психологией» [34, с. 57]. Эти слова интересно сопоставить с тем, что в статье Ананьева [2] борьба Корнилова против Челпанова рассматривается как часть совместной борьбы, которую вели против Челпанова также школы Павлова и Бехтерева. Подчеркивание Ананьевым в рефлексологии Бехтерева прежде всего прогрессивных черт и сближение в описании борьбы позиций Бехтерева и Корнилова (причем Корнилов вписывается в контекст бехтеревских прогрессивных идей, но не наоборот) нельзя понять, если не учитывать, что до 1931 г., до статьи [1], Ананьев был учеником и последователем Бехтерева.

Как и другие авторы, Г.С. Костюк формулирует тезис о том, что ошибки К.Н. Корнилова стали понятными только к началу 30-х годов. Имея в виду период 20-х годов, Костюк пишет, что «уже под конец этого периода, в год великого перелома, стало ясно, что не только рефлекс-

сология, но и реактология, которая выдавала себя за марксистскую психологию, была далека от удовлетворения тех требований, которые были поставлены ей советской жизнью» [34, с. 58]. Впрочем, Костюк бросает упрек и в адрес критиков Корнилова, отмечая, что критика в 1930-1934 гг. не вскрыла до конца тех антинаучных концепций, которые были заимствованы советскими психологами у буржуазной психологии.

Статья Г.С. Костюка наглядно демонстрирует, как по-разному могут излагаться одни и те же по существу события и взгляды в зависимости от собственной научной биографии историка и от его принадлежности к определенной научной школе.

Статья А.А. Смирнова [64] является важной вехой в истории изучения дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым, поскольку в ней развиваются и уточняются идеи, высказанные ранее Б.М. Тепловым. А.А. Смирнов упоминает книги П.П. Блонского [6] и К.Н. Корнилова [30] как положившие начало борьбе против идеалистической психологии Г.И. Челпанова, а также особо подчеркивает значение 1-го и 2-го психоневрологического съездов и того обстоятельства, что в 1923 г. директором института вместо Челпанова стал Корнилов. Для статьи Смирнова показательна попытка согласовать и примирить оценки марксизма Корнилова в 1923 и 1931 гг. В этой статье впервые (спустя тридцать лет после окончания дискуссии!) цитируются положения и аргументы, которые выдвигал в дискуссии Челпанов.

А.А. Смирнов пишет: «Как показала происходившая в последующем (в 1930 г.) так называемая реактологическая дискуссия, Корнилов, так же как и многие другие советские психологи, допустил в этот первый период развития советской психологии ряд серьезных ошибок механистического порядка (одной из них, несомненно, была и его попытка заменить психологию реактологией). Но это нисколько не мешает признать, что задачей, которую он перед собой ставил, было создание диалектико-материалистической психологии. Ошибки, допущенные им и другими, указывают лишь на большие трудности, возникавшие на этом пути из-за недостаточного еще овладения советскими психологами марксистской философией. Главой идеалистического лагеря, с которым Корнилов и его единомышленники вели острую борьбу, был Челпанов. Его позиция характеризовалась следующим: он не ратовал открыто за идеализм в психологии (признаваясь, однако, в том, что оставался все же идеалистом в философии), но всячески старался спасти старую, идеалистическую психологию и с этой целью пытался, хотя и безнадежно, доказать недоказуемое, а именно, что господствовавшая до того времени так называемая эмпирическая психология будто бы не состоит в противоречии с марксизмом. Психофизический параллелизм, лежащий в основе «эмпирической» психологии, по словам Челпанова, есть якобы учение материалистическое. Больше того, Челпанов утверждал, что, по его мнению, «в философии Маркс был монист, при построении же психологии, согласующейся с идеологией марксизма, совершенно нет никаких оснований стремиться к какому бы то ни было философскому монизму, а достаточно оставаться на почве эмпирического дуализма» [67, с. 66].

Как позитивное следует отметить, что в этих словах мы видим достаточно подробное изложение взглядов Челпанова, хотя и без указания источников. Далее в статье даже упоминаются две работы Челпанова [79], [80]. В качестве вывода Смирнов указывает, что позиция Челпанова «сразу же была разоблачена как вопиющее искажение марксизма, и Челпанову ничего не оставалось, как вскоре же полностью сложить оружие и отойти от дальнейшей борьбы» [67, с. 66-67]. Так было нанесено «решительное поражение идеалистической психологии» [67, с. 67]. А.А. Смирнов подчеркивает быстротечность дискуссии и, кроме уже встречавшегося нам ранее показателя успеха Корнилова (смещение Челпанова с поста директора), указывает на второй критерий победы, когда пишет, что Челпанов «отошел от дальнейшей борьбы», т.е., как мы понимаем, замолчал, перестал публиковаться. Однако анализа дискуссии между Корниловым и Челпановым в статье мы не находим. У Смирнова получается, что Корнилов боролся не столько с Челпановым, сколько с идеалистической психологией вообще. Точно так же Челпа-

нов боролся не столько с Корниловым, сколько с марксистской психологией вообще, выступая против введения марксизма в психологию в принципе.

Показательно, что в статье можно встретить высказывания Корнилова конкретно против Челпанова, но высказываний Челпанова конкретно против Корнилова нет. Челпанов и Корнилов оцениваются не в ходе полемики, не в сравнении и сопоставлении между собой, а по отдельности. Смирнов с точки зрения своего времени вначале дает оценку взглядам Корнилова, а затем – Челпанова. Общий, неконкретный подход к дискуссии и ее результатам виден в статье Смирнова в словах о том, что «позиция Челпанова была разоблачена», «Челпанов сложил оружие» и т.д.

В статье Н.К. Индик [28] изложение по интересующему нас вопросу идет по уже ставшей, видимо, к тому времени привычной логической цепочке: прогрессивная и успешная борьба Корнилова против Челпанова как часть борьбы «на два фронта», затем скрытый механицизм и другие ошибки и пороки Корнилова как реактолога и, наконец, реактологическая дискуссия 1931 г. Весь период 20-х годов определяется автором статьи как «идеологическое оформление советской психологической науки на базе марксистской методологии» [28, с. 68].

Некоторые дополнительные подробности и оценки борьбы Корнилова против Челпанова можно найти в статье П.И. Иванова [26]. Позицию Челпанова в споре Иванов определяет вполне традиционно: «Критика эмпирической психологии должна была быть особенно активной ввиду того, что представители этой психологии, как и вообще идеалистической философии, не сразу сдали свои позиции. Так, проф. Челпанов в своих выступлениях пытался доказать, что эмпирическая психология не противоречит марксизму. Челпанов утверждал, что когда К. Маркс и Энгельс касались вопросов психологии, то они всегда имели в виду эмпирическую психологию, представителем которой является он – Челпанов» [26, с. 11].

Из рассмотренных выше работ мы уже знаем о двух критериях победы Корнилова над Челпановым. Это, во-первых, увольнение в конце 1923 г. Челпанова на пенсию и назначение на этот пост Корнилова и, во-вторых, тот факт, что Челпанов «замолчал» и «сложил оружие». П.И. Иванов, подводя итоги борьбы в психологии на два фронта, указывает третий критерий: «Эмпирическая психология в том виде, как она сложилась перед революцией, можно сказать, прекратила свое существование. Эмпирическая психология была окончательно вытеснена как предмет преподавания» [26, с. 12-13].

Из высказываний П.И. Иванова хорошо видно, что несогласованность мнений отечественных исследователей относительно мнения об источниках и содержании взглядов Корнилова во многом определяется субъективностью и эклектичностью этих взглядов. Так, указывая источники теории Корнилова, Иванов видит их не столько в эмпирической психологии, сколько в объективной психологии: «На самом деле уже в самом понимании предмета психологии Корнилов исходил из того же определения, которое давалось бихевиористами и рефлексологами» [26, с. 13]. Это не мешает Иванову несколько ниже указывать в качестве основной заслуги Корнилова борьбу с ... рефлексологией: «Проф. Корнилов, возглавлявший в то время борьбу за построение новой психологии, не обошелся без ошибок, но его исторической заслугой является то, что он в период бурного натиска со стороны бихевиористов и рефлексологов боролся и сумел отстоять самостоятельность науки психологии» [26, с. 17].

Немного нового о дискуссии мы можем узнать из обзорной статьи М.В. Соколова [68]. Необходимость борьбы против Челпанова Соколов обосновывает тем, что еще до революции Челпанов боролся против материализма. Автор указывает, что в начале 20-х годов под флагом материализма против идеалистической психологии Челпанова выступали Блонский, Бехтерев и Корнилов. При этом «наиболее действенную роль в борьбе с челпановской психологией сыграл Корнилов, хотя его собственная позитивная программа страдала серьезными теоретическими ошибками и в дальнейшем была подвергнута острой критике» [68, с. 632]. Далее Соколов непосредственно ссылается на материалы реактологической дискуссии 1931 г.

Для понимания общей тенденции отечественной историографии в оценке К.Н. Корнилова и его дискуссии («борьбы») с Г.И. Челпановым характерны высказывания С.Л. Рубинштейна, сделанные в конце 50-х годов [62]. Резко, как и раньше, отзываясь о марксистских и психологических идеях Корнилова, Рубинштейн пишет: «Когда наступил советский, послеоктябрьский период, не оказалось у нас психологов, которые шли бы от Сеченова, тогда как оказалось немало психологов, которые шли от Челпанова, которые – даже если они, как Корнилов и другие, последовавшие за ним – прошли через его школу и так или иначе были его учениками» [62, с. 247].

К этим словам Рубинштейн делает примечание, где критически оценивает взгляды Корнилова еще с одной стороны: «В 20-х годах, когда в нашей психологии, борющейся со старым интроспекционизмом, нарастали механистические поведенческие тенденции, в психологической литературе (у Корнилова, Блонского, Выготского) встречаются нередко ссылки на Сеченова: его мысли трактуются механистически и привлекаются как опора для механистических тенденций того времени» [62, с. 247, прим.].

Критикуя идею Корнилова о марксистской психологии (реактологии) как синтезе объективной и субъективной психологии, Рубинштейн подчеркивает, что Корнилов все же оставался при этом «в рамках механистической поведенческой концепции» [62, с. 250]. Этих оценочных суждений было бы достаточно, чтобы прийти к выводу, что Рубинштейн при оценке взглядов Корнилова остался на позициях 1946 г., – если бы Рубинштейн не сделал весьма характерное уточнение. А именно, в примечании Рубинштейн пишет:

«Эта критика того понимания «синтеза» интроспективной и бихевиористской концепции, посредством которого Корнилов хотел реализовать построение психологии, разрабатываемой с марксистских позиций, не означает, конечно, что мы не видим той исключительно большой роли, которую сыграл Корнилов на начальных этапах становления советской психологии, и недооцениваем тот факт, что Корнилов ориентировался на построение психологии, базирующейся на принципах диалектического материализма» [62, с. 250]. Мы полагаем, что эти слова Рубинштейна отражают его частичный компромисс с постепенно побеждающей точкой зрения Теплова и Смирнова на марксистскую психологию Корнилова.

§ 3. 60-80-е годы: окончательная схема изложения дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым

Окончательно сложившаяся в 60-80-е годы схема изложения дискуссии между Корниловым и Челпановым выражена в работах Е.А. Будиловой [11], А.В. Петровского [45], [46], [47], [48], А.А. Смирнова [64], [65] [66], Б.М. Теплова [73], в кандидатской диссертации и статьях Л.М. Цыплёнок (Орловой) [43], [44], [77], [78], работах М.Г. Ярошевского [84], [85] и в ряде других работ. В этот период наиболее весомый вклад в изучение дискуссии между Корниловым и Челпановым внесли работы Б.М. Теплова, А.В. Петровского, Е.А. Будиловой и А.А. Смирнова.

По своей проблематике (борьба за марксизм в психологии) и по рассматриваемому периоду (1923-1925 гг.) для нас прежде всего представляет интерес статья Б.М. Теплова [73]. В этой статье, помещенной в сборнике, посвященном памяти К.Н. Корнилова, Б.М. Теплов развил свои основные идеи, высказанные еще в 1947 г. [72], а также обобщил уже имевшиеся к концу 50-х годов исследования, касающиеся идейной борьбы в советской психологии первой половины 20-х годов. Вкратце остановимся на основных положениях этой статьи.

Б.М. Теплов подчеркивает, что К.Н. Корнилов в 20-е годы боролся за те марксистские положения, которые теперь «являются самоочевидными истинами, вошедшими во все наши учебники психологии» [73, с. 8], причем боролся на два фронта – с рефлексологами и с «защитниками идеалистической психологии» [73, с. 8]. Теплов характеризует Челпанова как «директора крупнейшего психологического института, видного представителя идеалистической, т.е. основанной на самонаблюдении, психологии», «официально возглавлявшего» в начале 1923 г., когда происходил первый всероссийский психоневрологический съезд, «психологический фронт» [73, с. 9].

Как и в статье 1947 г., Теплов указывает, что борьба против Челпанова происходила и до революции, а «с 1921 г. начался «взрыв» челпановской школы изнутри: два его ученика, Блонский и Корнилов, независимо друг от друга выступили с книгами, в которых была объявлена открытая война против идеалистической, субъективистской психологии» [73, с. 9-10]. «Учение о реакциях» Корнилова Теплов оценивает двойственно – как «свидетельство искреннего и горячего желания автора порвать с традиционной идеалистической психологией», но в то же время, добавляет Теплов, «эта книга (несмотря на наличие в ней ценного экспериментального материала) говорит о неподготовленности Корнилова к решению тех больших теоретических и практических задач, которые он перед собой поставил» [73, с. 10-11]. Причину такого положения дел Теплов видел в том, что Корнилов философию марксизма «знал еще слабо и поэтому не имел фундамента, на котором он мог бы построить новую психологию» [73, с. 11].

Одна из основных идей Теплова при оценке Корнилова заключена в следующих словах: «Предисловие к «Учению о реакциях» подписано в июне 1921 г. Прошло полтора года, и в январе 1923 г. Корнилов делает доклад, который по своему теоретическому уровню настолько выше «Учения о реакциях», что невольно изумляешься огромной теоретической работе, проделанной автором за это короткое время» [73, с. 11]. Эта идея Теплова (впервые прозвучавшая у него в работе 1947 г. и тогда же и у Ананьева) заключается в противопоставлении Корнилова-механициста (в 1921 г.) Корнилову-марксисту (в 1923 г.). Тем самым тезис о борьбе между материализмом и идеализмом у Теплова при изучении 20-х годов получает законченное персонифицированное выражение: Челпанов был идеалистом, а Корнилов – материалистом и марксистом. После этого Теплов идет дальше, стремясь показать и доказать это на примере решения Корниловым и Челпановым отдельных психологических проблем. Теплов, в частности, положительно оценивает борьбу Корнилова с дуализмом, поясняя, что «борьба за монистическое понимание предмета психологии была направлена против представителей идеали-

стической психологии, активным защитником которой выступал тогда Челпанов» [73, с. 12]. Особо Теплов подчеркивает, что Корнилов боролся против Челпанова за марксистское понимание психики [73, с. 13].

Однако по всем «марксистским аксиомам», которые приводятся Тепловым, мы не встречаем изложения ответных аргументов Челпанова. Ясно только, что Корнилов говорил правильно, а Челпанов был против (и потому был неправ). Только в вопросе о пространственности (пространственной протяженности) психических процессов Теплов непосредственно сопоставляет утверждения Челпанова и Корнилова [см. 73, с. 15]. Далее Теплов приводит точку зрения Корнилова на вопросы о методах психологии, общественной сущности человеческой психики, практической направленности психологии и т.д., но мы нигде уже больше не встречаемся с точкой зрения Челпанова по этим же вопросам.

Для доказательства соответствия марксизму научных взглядов Корнилова Теплов использует следующую методику. Он берет во внимание не всю марксистскую психологию Корнилова (в 1923-1931 гг.), а только его работы 1923-1925 гг., фактически только второе издание сборника его статей [31]. Более того, судя по цитатам, Теплов рассматривает в этом сборнике не все статьи, а только первую и последнюю. Но даже в этих статьях Теплов вынужден констатировать ошибки и просчеты в рассуждениях и выводах Корнилова. Естественно, при этом уже нет речи о динамике взглядов Корнилова. В результате такого многоэтапного «просеивания» у читателя должно остаться обещанное в самом начале все ценное, что внес Корнилов – марксистские положения, ставшие «самоочевидными истинами». Реально же дело в итоге сводится к нескольким марксистским цитатам о психике и сознании.

Свои оценки Б.М. Теплов соотносит с оценками партийной резолюции 1931 г.: «Психологическая концепция, развивавшаяся Корниловым в 20-х годах, была подвергнута во многом справедливой критике на так называемой «реактологической дискуссии» (1930-1931 гг.) и впоследствии в ряде книг и статей советских психологов. С другой стороны, не раз подчеркивалась выдающаяся роль Корнилова в развернувшейся в 20-х годах борьбе за перестройку психологии на основах марксизма» [73, с. 19]. Как видим, таким нехитрым способом – с помощью слов «с одной стороны, с другой стороны» – Теплов, подчеркивая заслуги Корнилова как первого советского психолога-марксиста, стремился избежать противопоставления своих оценок оценкам партийной резолюции 1931 г.

Тема статьи позволила Теплову более подробно, чем кому-либо ранее, раскрыть систему взглядов К.Н. Корнилова в соотношении с взглядами Г.И. Челпанова. Именно здесь, в статье 1960 г., оценка Корнилова как первого советского психолога-марксиста (а Челпанова соответственно как последнего психолога-идеалиста) приобрела законченный вид – если не в деталях, то в общем, как схема. Последующие авторы (А.В. Петровский, Е.А. Будилова, А.А. Смирнов и другие) руководствовались в этом вопросе статьей Б.М. Теплова как образцом, беря ее за точку отсчета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.